

А.Г. Козинцев, М.Л. Бутовская

О ДЕТЯХ, БОГАХ И ОБЕЗЬЯНАХ

(ответ оппонентам)

Смех и юмор – темы особые хотя бы уже потому, что разнообразие мнений здесь поистине необыкновенно. Давным-давно было замечено, что юмор упорно не поддается рациональным интерпретациям. С точки зрения нашей теории так и должно быть, ибо раз юмор есть игровое антиповедение, которое направлено против всех без исключений систем правил и соответственно представляет собой идеальный негатив человеческой культуры, а следовательно, и науки, он и должен сопротивляться любым человеческим усилиям, в том числе и попыткам его научно объяснить. Психологическую суть бескорыстного антиповедения гениально вскрыли Э. По в рассказе «Бес противоречия» и Ф.М. Достоевский в очерке «Влас». Достоевский был неправ лишь в том, что считал тягу к нарушению внутренних запретов специфически русской чертой, тогда как сейчас мы знаем, что это качество общечеловеческое. Повторим нашу главную мысль: юмор по своей сути есть миниатюрная, безопасная и эстетизированная модель антиповедения. Мы признательны всем трем нашим оппонентам – Я.В. Чеснову, Ю.Е. Березкину и М.А. Родионову. Особенно первому из них, ибо Я.В. Чеснов, полемизируя с нашими взглядами, предложил свою, смелую и остроумную, концепцию. И пусть она диаметрально противоположна нашей и буквально ни в одном пункте мы с ним не сходимся, да вряд ли и сойдемся – так и должно быть, ибо сама тема, повторяем, предрасполагает к громадному разнообразию мнений. Что же, будем спорить. Если и не приблизимся при этом к истине, то хотя бы уточним позиции.

Статья Я.В. Чеснова – своего рода психологическая антитеза нашему выступлению, в котором мы предельно «принизили» юмор. Вполне понятно, что в полном соответствии с логикой антиповедения нашему оппоненту захотелось увести разговор в заоблачные выси. В результате родилась красивая, поэтичная, но явно фантастическая концепция. Смех, по мнению Я.В. Чеснова, обозначает связь человека с божеством, причем она особенно отчетливо проявляется в смехе младенца, спеленутость которого в колыбели приводит в действие архетип сакральности. О смехе божества автор говорит, судя по всему, не метафорически, а буквально. К такой идее его подводит интереснейший фольклорный и мифологический материал, который им собран. Мы ничуть не сомневаемся в значимости этого материала для темы смеха. Однако герменевтика – это все-таки интерпретация, а не вера. Поэтому пусть простит нас Я.В. Чеснов за то, что мы попытаемся вернуть разговор из области фантазий в область фактов.

Главная ошибка Я.В. Чеснова – в подмене темы. «Поставленная проблема должна называться, конечно, "происхождение смеха", а не юмора», – пишет он (с. 54). Однако наша статья называлась именно «О происхождении юмора»! Существует целый ряд «неюмористических» видов смеха, рассмотрение которых не входило в нашу задачу. Смех отмечается у душевнобольных, во время истерических припадков, при вдыхании закиси азота, при стимуляции некоторых отделов мозга и т.д.¹ Вполне вероятно, что некоторые из перечисленных видов смеха сопровождаются психологическими состояниями, близкими к реакции на юмор, но прямого отношения к нашей теме это не имеет. Первый смех грудных младенцев также имеет к ней лишь косвенное отношение. Это признает и Я.В. Чеснов, указывая, что смех младенцев находится вне категории комического. Однако, произвольно подменив тему дискуссии, автор делает именно этот смех центральным пунктом своей статьи. Неудивительно, что выводы его столь несхожи с нашими. Между тем и эту тему также вполне можно обсуждать не на базе поэтических фантазий, а на основе огромного количества фактов, добытых специалистами по детской психологии².

Смех появляется на 2-м – 4-м месяце от рождения, примерно на месяц позже, чем улыбка, и имеет вполне земные причины (хотя родители часто склонны думать иначе). Это всегда реакция на внешние раздражители, в чем состоит важное отличие первого смеха от первой улыбки, которая «эндогенна», то есть вызывается внутренними факторами, например освобождением кишечника от газов (отсюда известный педиатрам термин «газовая улыбка»). Поначалу смех бывает ответом на легкую тактильную или звуковую стимуляцию; затем главную роль начинают играть зрительные сигналы, причем ведущим фактором постепенно становится общение с окружающими ребенка людьми.

В полгода некоторые дети начинают смеяться от игр типа «ку-ку» и «сороки-воровки», которым Я.В. Чеснов уделяет исключительное внимание, опять-таки без меры мифологизируя реальные факты. Занятия эти наряду со щекоткой, щипками, подниманием детей и подбрасыванием их относятся к категории «шоковых игр». Стимуляция здесь сильно превышает уровень, который в более раннем возрасте был для детей предельным и за которым начинался плач; однако возросшее чувство безопасности позволяет некоторым детям превращать страх в удовольствие. Ю.Е. Березкин абсолютно точен, говоря, что смех может быть инструментом преобразования воспоминаний о пережитом страхе в положительные эмоции.

Но вернемся к игре в «ку-ку». Австрийские исследовательницы Э. Херцфельд и Ф. Прагер приводят такую статистику: в 6–8 месяцев игра матери в «guck-guck» (т.е. «смотри-смотри» – немецкий вариант «ку-ку») вызывает смех лишь у каждого 10-го ребенка, в 9–11 месяцев – уже у 30%, а в 1,5–2 года – у 70% детей³. Эти цифры, вполне понятные для любого психолога, решительно не согласуются с идеей Я.В. Чеснова об архетипической сути игры в «ку-ку»: ведь если следовать его логике, по мере социализации ребенка и высвобождения его из колыбельной связанности божественное начало в нем должно становиться все менее заметным! (Оставим в стороне вопрос о том, могут ли щекотка или подбрасывание – игры, которые по сути ничем не отличаются от «ку-ку», – рассматриваться в качестве свидетельств архетипичности, сакральности или табуированности младенцев.)

Шоковые игры – первый шаг к юмору. Конечно, с одной стороны, отличие их от неюмористических стимулов, вызывавших смех младенцев в более раннем возрасте, можно рассматривать как количественное, если иметь в виду лишь постепенное усиление стимуляции. Но с другой стороны, можно заметить и некоторое новое качество: антиповедение матери. Нельзя же, в самом деле, «исчезать» и тут же появляться как ни в чем ни бывало! Годовалые дети смеются и от других преднамеренно «неправильных» действий матерей – например, когда те показывают им язык, надевают маску, ходят вразвалку или делают вид, что сосут из бутылочки.

Юмор в собственном смысле зарождается лишь в начале второго года жизни одновременно с возникновением того, что Ж. Пиаже назвал «символической игрой» и что свидетельствует о появлении образного мышления. Дети в этом возрасте делают вид, что чистят зубы пальцем или причесываются карандашом. Они уже знают, что «так нельзя», но раз нельзя, то почему бы не попробовать? Роль пассивных зрителей их уже не устраивает. Теперь они стремятся сами активно создавать нонсенс.

К концу второго года предметное антиповедение дополняется словесным: уже на первых стадиях овладения речью дети испытывают радость, нарочно называя вещи неправильными именами. С трех лет антиповедение принимает форму игры с понятиями: так, ребенок смеется, изобразив двухголовую кошку, которая говорит «му». Примерно к семи годам дети усваивают основы логики и морали. Одновременно появляется и тяга к их игровому нарушению – а это и есть юмор⁴.

Таковы реальные факты, касающиеся развития юмора в онтогенезе. Они вполне соответствуют нашей концепции. В мифологическом сознании эти факты, разумеется, получают совершенно иную трактовку, но поскольку мифы создаются взрослыми, к детской психологии это уже не относится.

«Боги вообще постоянно смеются» (с. 55) – пишет Я.В. Чеснов, но не уделяет

достаточного внимания причинам их смеха. Причины же оказываются вполне земными и все так или иначе сводятся к бескорыстной радости от того, что нечто происходит не так, как надо. Деметру развеселила Ямба неприличной болтовней и соответствующими жестами. Весь Олимп хохотал над Аресом и Афродитой, барахтающимися под гефестовой сетью. Афродиту подняли на смех Гера с Афиной за то, что та вмешалась в Троянскую войну, вместо того чтобы заниматься свойственными ей любовными делами. Другое дело, что последствия смеха богов порой бывают самыми серьезными и даже космическими, но ведь на то они и боги. Им под силу создать вселенную не только смехом, но и иными способами. Так, согласно представлениям индейцев тукана северо-западной Амазонии, верховное божество Роми-Куми создало мир из дыма своей сигары⁵. Вряд ли данное обстоятельство должно послужить поводом к поискам архетипического смысла курения.

К тому же, говоря о божественном смехе, Я.В. Чеснов почему-то упускает из виду христианство, в котором смех не только не считается божественным, но и напрямую связывается с нечистой силой и адом. Следует ли на этом основании считать христианство «аномальной» религией? Видимо, нет, но тогда остается признать, что идею божественного смеха нельзя рассматривать в качестве общечеловеческой универсалии. Это, естественно, снижает ее значимость для реконструкции истории юмора.

Мнение Я.В. Чеснова об обезьянах составляет наименее сильную часть его статьи. Автор отдает дань сильно устаревшим представлениям о рефлекторности поведения высших приматов. Здесь сказывается его слабое знакомство с современной приматологической литературой. «У нас нет никаких оснований, – пишет он, – вычленив истоки абсолютного смеха в выразительных артикуляциях обезьян» (с. 59). На самом деле такие основания, несомненно, имеются. Более того, созданная Я. ван Хофом схема возникновения человеческого смеха на основе «игрового лица» антропоидов⁶ давно уже стала классической и не оспаривалась никем.

«Обезьяны есть чему радоваться, но нечему смеяться» (с. 58), – утверждает наш оппонент. С точки зрения его концепции, это действительно так. К сожалению, однако, нам снова приходится спуститься с небес на землю. Наши параллели между грубым озорством шимпанзе и некоторыми формами человеческого антиповедения вовсе не безосновательны. (Я.В. Чеснов – разумеется, в шутку – делает вид, что не понимает смысла слов «раблезианское поведение», относя их к самому Рабле, а не к его героям.)

Обезьяны бросаются экскрементами вовсе не потому, что у них якобы имеется «отторжение фекального запаха» (с. 55). Такого отторжения нет не только у обезьян, но и у «докультурного» человека – иначе зачем нужно было бы с таким трудом приучать младенцев к чистоплотности? Объясняется это весьма просто. Человекообразные обезьяны живут на деревьях и постоянно перемещаются с места на место, а при этом правила санитарии и гигиены не особенно актуальны. Таковую же жизнь вели и наши предки. Истинный мотив описанного нами хулиганства обезьян был, как мы уверены, чисто игровым, причем в основе игры лежало бескорыстное нарушение запрета. Доказательством тому был их смех, который противоречит мнению Я.В. Чеснова и подтверждает нашу гипотезу. Такой же случай произошел со знаменитой Уошо (самкой шимпанзе, освоившей язык глухонемых): обмочив взявшего ее на руки приматолога Р. Фаутса, она выразила на лице удовольствие и сделала рукой знак, означающий «смешно»⁷.

Как в истории, так и в онтогенезе «цивилизованному» юмору предшествуют грубо-практические формы комизма. Что касается онтогенеза, то чрезвычайно интересные данные получены одной из лучших исследовательниц детского юмора Мартой Вулфенштайн. Ей удалось проследить, как в процессе взросления и социализации детей первоначальные грубо-игровые формы скатологической агрессии заменяются все более «цивилизованными» проявлениями – поначалу (в 3–4 года) шутливыми ругательствами, обозначающими нечистоты, затем – более завуалированными словесными формами. В частности анекдотами. Развитие, следовательно, идет в таком

порядке: сперва – «я это делаю», потом – «это делаю не я», далее – «это говорю не я» и, наконец, «это думаю не я»⁸.

Как доказано многими авторами, прежде всего Бахтиным, в точности такой же путь проделывает юмор в процессе развития цивилизации. Впрочем, иногда пережитки очень далеких стадий юмора сохраняются почти до наших дней. Швыряние в людей кала и поливание их мочой играют большую роль в средневековом европейском карнавале⁹. «Веселая материя» (так Бахтин назвал нечистоты) с тою же целью использовалась в русских аграрных праздниках¹⁰ и в ритуальной клоунаде североамериканских индейцев¹¹. Смеховой потенциал экскрементов, судя по всему обусловлен их табуированностью. Связанные с ними бранные выражения употребляют главным образом те народы, которые особенно ценят чистоплотность¹². В процессе исторического развития нечистоты заменялись более приемлемыми «антиматериалами» – грязью или сажой. Думаем, что и бросание людьми друг в друга пирожных с кремом, столь часто изображавшееся в ранних кинокомедиях, – занятие весьма архетипическое.

Ю.Е. Березкин полагает, что тоталитарные системы вызывают смех потому, что они страшны. С этим нельзя не согласиться. Страх и ненависть несовместимы со смехом. Сатира полярно противоположна юмору. Даже Чаплину оказалось не под силу сделать Гитлера смешным. Заставить людей смеяться над Сталиным не удалось никому. Искренне (а не по велению долга) высмеивают лишь тех, кого можно или даже нужно пожалеть, – и именно потому, что юмор есть антиповедение.

Что же касается смеха как средства достижения определенной цели (Ю.Е. Березкин приводит соответствующие примеры из мифологий), то можно привести массу примеров «небескорыстного» использования юмора и в повседневной жизни. Это связано с исторически возникшим делением на создателей юмора и его потребителей. Создатели смешат, хотя им, быть может, не смешно и сами они часто даже не улыбаются, подобно Бастеру Китону, о котором вспоминает М.А. Родионов; потребители (ими могут быть и мифологические существа) бескорыстно смеются.

Мысль о бескорыстии искреннего смеха, вопреки мнению М.А. Родионова, не содержит никакого прекраснотушения. Потребность смеяться действительно отличается от голода, жажды и любви своим игровым и вдобавок чисто негативным характером. Юмор ничего не утверждает и ничего не требует, он только отрицает. И смех от разочарования, неловкости, страха, означает отрицание именно этих неприятных, но неизбежных в соответствующих ситуациях, душевных состояний. Смех обманутого отрицает горе, смех победителя, палача или даже просто равнодушного наблюдателя чужих страданий – жалость (олимпийцы смеялись над хромотой Гефеста, но в час его торжества над Аресом и Афродитой объектами смеха стали униженные любовники). А поскольку отрицательное на самом деле никуда не исчезает и «уничтожить» его можно только в игре, именуемой «все до фени», то все перечисленные формы смеха охватываются понятием игрового антиповедения, а значит, по существу не отличаются от чисто юмористических форм.

Почему фигура трикстера занимает меньше места в мифах одних народов по сравнению с другими? Не потому ли, что тяга к антиповедению там находит выход по каким-то другим каналам? Впрочем, этнографам это должно быть виднее.

Примечания

¹ Эти категории смеха анализируются в работе: *Black D.W. Pathologic laughter: A review of the literature // Journal of Nervous and Mental Diseases. 1982. V. 170. P. 67–71.*

² Сводка их приведена в книге: *McGhee P.E. Humor: Its origins and development. San Francisco, 1979. P. 52–76.*

³ *Herzfeld E., Prager F. Verstandnis für Scherz und Komik beim Kinde // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1930. Bd 34. S. 353–417.*

⁴ *McGhee P.E. Op. cit. P. 72–76.*

⁵ За эти сведения мы признательны Ю.Е. Березкину.

- ⁶ Hooff J.A.R. van. The facial display of the catarrhine monkeys and apes // *Primate Ethnology*. L., 1967. P. 7–68.
- ⁷ McGhee P.E. Op. cit. P. 118.
- ⁸ Wolfenstein M. Children's humor: A psychological analysis. Glencoe, 1954. P. 167.
- ⁹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 159, 190.
- ¹⁰ Пронн В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 122.
- ¹¹ Bourke J.G. Compilation of notes and memoranda bearing upon the use of human ordure and human urine in rites of a religious and semi-religious character among various nations. Washington, 1888; Cooper J.M. The Gros Ventres of Montana. P. 2 // Catholic University of America, *Anthropol. Ser.* 1956. № 16; Makarius L. Ritual clowns and symbolic behavior // *Diogenes*. 1970. V. 69. P. 44–73.
- ¹² Жельвис В.И. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 296–322.